

206
250.

Л. А. Тверской.

ОЧЕРКИ
СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ
СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Десять лѣтъ въ Америкѣ.—Президентская кампанія 1892 года.
—Моя жизнь въ Америкѣ.—Лисьма.—Колумбійская всемір-
ная выставка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

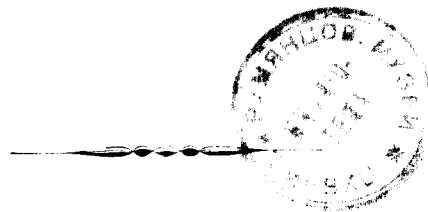
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

А
П. А. Тверской.

ОЧЕРКИ
СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ
СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Десять лѣтъ въ Америкѣ.—Президентская кампанія 1892 года.
—Моя жизнь въ Америкѣ.—Письма.—Колумбійская всемір-
ная выставка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

А

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая отдѣльной книгой настоящіе очерки, уже напечатанные въ теченіе прошлаго года въ разныхъ Петербургскихъ изданіяхъ, я считаю нужнымъ просить читателей не забывать, что очерки эти писались мною мимоходомъ, между дѣломъ, часто съ невольными длинными перерывами, необходимымъ послѣдствіемъ постоянной работы по моимъ дѣламъ. Я не литераторъ, свободно пишущій въ своемъ кабинетѣ, когда найдетъ стихъ и работаетъ быстро и безъ помѣхи — а обыкновенный рабочій, занятый съ утра до вечера тяжелымъ трудомъ и только урывками имѣющій возможность взяться за перо и торопливо написать нѣсколько страницъ. Я вовсе не претендую на обстоятельное описаніе Сѣверо-Американскаго Союза — а пытаюсь дать мои личныя впечатлѣнія, пытаюсь описать то, какимъ образомъ Америка подѣйствовала на меня и что въ ней особенно странно для русскаго человѣка. Поэтому я напередъ прошу прощенія у читателя за беспорядочность, разбросанность и безсистемность этихъ очерковъ, и вѣрить тому, что написаны они безъ всякой предвзятой мысли или пѣли, безъ всякаго желанія что-либо возвеличить или унижить, — если въ нихъ есть ошибки, что весьма

А

I.

Лѣтомъ 1881 года, съ учебникомъ Оллендорфа въ рукахъ и съ самыми незначительными средствами въ карманѣ, я высадился въ Нью-Йоркѣ съ атлантическаго парохода; знакомыхъ у меня не было ни души, если не считать двухъ или трехъ русскихъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. Подготовки къ практической дѣятельности не было никакой; на родинѣ я занимался или службой, или ничѣмъ не занимался, подобно большинству отечественныхъ лэндлордовъ. Существовало во мнѣ тиготѣніе къ землѣ, такъ свойственное каждому русскому—все кажется, что безъ клочка земли, безъ усадьбы и не прожить на бѣломъ свѣтѣ,—и потому я намѣревался сдѣлаться фермеромъ, гдѣ и какъ—неизвѣстно, только мнѣ все казалось, что необходимо „сѣсть на землю“ и работать, работать, работать... Я и не помышлялъ о какой-либо дѣятельности, кромѣ земледѣльской—о землѣ я зналъ кое-что по опыту; о промышленности же и торговлѣ вообще имѣлъ представленіе и предразсудки русскаго помѣщика; никогда не видалъ никакихъ заводовъ, кромѣ винокуренныхъ, и хотя и объяснялся съ грѣхомъ пополамъ по-французски и по-нѣмецки,—англійскаго языка не зналъ совсѣмъ. Порядочная семья должна была послѣдовать за мной черезъ 2 — 3 мѣсяца; капиталовъ было всего около трехъ тысячъ долларовъ: какъ видите, положеніе не особенно завидное, и потому я разсчитывалъ непременно заняться землей, чтобъ быть хоть сыту и не голодать. Въ Нью-Йоркѣ я остановился всего на одинъ день, и какъ и почему очутился во Флоридѣ—и до сихъ поръ не могу отдать себѣ яснаго отчета—можетъ быть, потому, что, еще будучи въ Россіи, переписывался съ одной русской дамой, съ которой познакомился во время парижской выставки 1878 года, а жила она съ семьей во Флоридѣ. Какъ бы то ни было, я прямо изъ Нью-Йорка проѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Джаксонвилль, самый значительный городъ Флориды, на большой рѣкѣ Сентъ-Джонсъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія ея въ Атлантическій океанъ. Въ

этомъ городѣ я пробылъ 3 — 4 дня, и, убѣдившись, что, съ моими крошечными средствами, я не могу купить ничего подходящаго въ его окрестностяхъ, такъ какъ цѣна на землю оказалась очень высокой — отъ 50 до 200 долларовъ за акръ, — я рѣшилъ ѣхать въ глушь, въ новыя мѣста, и потому однимъ прекраснымъ утромъ очутился на маленькомъ пароходѣ, который ходилъ регулярно между Джаксонвиллемъ и верховьями рѣки С.-Джонса, около 300 миль прямо на югъ.

Жара въ теченіи дня стояла невыносимая, но къ вечеру на водѣ стало сносно, и я усѣлся на носу парохода, любуясь тропической, никогда мною прежде невиданной растительностью и удивляясь той массѣ рыбы, черепахъ и аллигаторовъ, которые все время играли вокругъ парохода. Единственнымъ другимъ пассажиромъ былъ самъ владѣлецъ парохода, какъ оказалось впоследствии, крупный джаксонвилльскій купецъ, который ѣхалъ на югъ осматривать новыя земли; сейчасъ же послѣ ужина онъ подѣлъ ко мнѣ, и между нами завязался презабавный для посторонняго слушателя, я полагаю, разговоръ. Онъ оказался ирландцемъ, уже лѣтъ двадцать жившимъ въ Америкѣ и составившимъ крупное состояніе; когда-то онъ учился по-французски, и вотъ, съ помощью Оллендорфа, съ которымъ я не разлучался, и съ помощью нѣсколькихъ французскихъ словъ, которыя порой съ трудомъ выуживалъ изъ своей памяти мой собесѣдникъ, мы умудрились разговаривать и проговорить до глубокой ночи. Отъ него я узналъ, что ни земледѣлія, ни скотоводства, въ томъ смыслѣ, какъ я ихъ понималъ, во Флоридѣ, особенно въ южной ея части, куда мы ѣхали, совершенно не существуетъ; что единственное растеніе, которое тамъ воздѣлывается съ переменнымъ успѣхомъ, есть апельсинное дерево, и что, хотя кое-гдѣ и производятся опыты съ сахарнымъ тростникомъ, бананами, ананасами и другими тропическими плодами, — нельзя еще сказать ничего положительнаго объ ихъ успѣхѣ, такъ какъ южная Флорида только-что начинаетъ заселяться, ничего вѣрнаго никто не знаетъ, и необходимо относиться съ крайней осторожностью ко всему, что ни услышишь и ни увидишь. Перспектива для меня, стремившагося обезпечить семью земледѣліемъ, была не особенно завидная: если даже апельсины и бананы и будутъ расти съ успѣхомъ, ими одними не прокормишься. Зато, съ другой стороны, зима не бываетъ совсѣмъ — тепло круглый годъ; и не замерзнешь, и платья не особенно много нужно. Мой новый знакомецъ самымъ обстоятельнымъ и добросовѣстнымъ образомъ излагалъ мнѣ всѣ эти соображенія — очевидно, онъ принималъ безкорыстное участіе въ

новомъ переселенцѣ, да еще такомъ „зеленомъ“: моя непрактичность ему несомнѣнно бросилась въ глаза съ самаго начала нашего разговора. Между прочимъ, онъ упомянулъ, что въ южной Флоридѣ существуетъ весьма выгодное занятіе — это лѣсопильное дѣло, которое притомъ не требуетъ ни особенныхъ познаній, ни значительнаго капитала, а само платитъ хорошо, особенно тѣмъ, кто „stick to it“ — выраженіе чисто американское, не переводимое на русскій языкъ, и означающее настойчивость и даже упорство въ достиженіи цѣли. Я отъ роду никогда не видалъ ни одного лѣсопильнаго завода, не имѣлъ даже самаго отдаленнаго понятія о томъ, какъ подобный заводъ дѣйствуетъ, — весь тесъ, который употреблялся въ той мѣстности Россіи, гдѣ я жилъ, производился ручными пилами и каторжной работой пильщиковъ, — но я почему-то заинтересовался этимъ производствомъ и заставилъ моего ирландца подробно передать мнѣ все, что онъ самъ зналъ о немъ.

На слѣдующее утро мы проѣхали мимо нѣсколькихъ лѣсопильных заводовъ, работавшихъ на самомъ берегу рѣки, и на одной станціи, гдѣ пароходъ останавливался часа на два, мы вышли и подробно осмотрѣли одинъ изъ нихъ. Маленькая паровая машина пыхтѣла и шипѣла; большая круглая пила пронзительно визжала и рѣзала огромныя бревна, какъ рѣпу; рабочіе — негры, полунагие и всѣ въ поту, такъ и бѣгали кругомъ, а единственный бѣлый на всемъ заводѣ — пильщикъ — ворочалъ различные рычаги, бывшіе у него подъ руками, и бойко покрикивалъ на рабочихъ. Завода собственно никакого не было: на нѣсколькихъ столбахъ была кое-какъ накинута досчатая крыша; на двухъ, трехъ тяжелыхъ брускахъ стояла крошечная, весьма несложная пильная машина; все было сколочено и скрѣплено на скорую руку, а доски и брусья такъ и валились отъ пилы, и бревна быстро исчезали одно за другимъ — въ какія-нибудь 10 минутъ огромное бревно, въ 3 фута въ діаметръ, превращалось въ прекрасный, ровный тесъ, какого я никогда не видывалъ. Шесть или семь человѣкъ, очевидно, могли произвести больше теса и несравненно лучшаго качества въ одинъ день, чѣмъ большее число русскихъ пильщиковъ въ мѣсяцъ. Когда пароходъ опять отчалилъ, я принялся разспрашивать моего спутника о разныхъ деталяхъ производства и, когда высадился, рѣшилъ, что, помимо куска земли, непременно постараюсь заняться и лѣсопильнымъ дѣломъ. Всѣ разсчеты указывали на это дѣло, какъ на очень прибыльное; особенныхъ техническихъ познаній не требовалось, и я могъ надѣяться, что